

***ПАВЛУШКОВ Александр Рудольфович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России. Автор 102 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий*

ПОПЫТКИ РЕФОРМЫ ЦЕРКОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА во 2-й половине XIX века КАК НОВОЕ ВИДЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Статья посвящена обзору развернувшейся внутри Русской православной церкви дискуссии о месте и роли церковного суда после введения церковных уставов. Раскрываются причины проведения реформы церковного судопроизводства. Дается общая характеристика состояния церковного суда накануне обсуждения церковной реформы. Слабые попытки приблизить церковное судопроизводство к государственному, начавшиеся с синодальной реформы, не привели к существенным изменениям. Серьезные недостатки не только мешали нормальной деятельности духовного ведомства, но и препятствовали развитию российской судебной системы в целом. Диалог между государством и РПЦ постепенно уступал место росту взаимных претензий, говоривших о серьезном кризисе в их взаимоотношениях. В статье анализируются мнения сторон по вопросам целесообразности и общим направлениям возможных преобразований. Особое внимание уделено причинам отказа от проведения реформ. Внутри церковной среды сложились две основные партии, по-разному видевшие образ будущего церковного суда. Слабость каждой из них заключалась в непоследовательности отстаивания собственной позиции. Чрезмерные уступки и противоречивость публичных суждений в итоге привели к нивелированию обоих подходов. Корпоративные интересы, желание следовать сложившейся традиции говорили о том, что РПЦ не успевает приспособляться и отвечать на модернизационные вызовы. В результате проект реформирования важнейшего церковного института фактически провалился. Во второй части статьи рассматривается проект церковного судопроизводства 1870 года, который должен был приблизить организацию судебного дела к единым государственным требованиям. Автор приходит к выводу о том, что неспособность осуществить реформу церковного суда привело к углублению кризиса РПЦ.

Ключевые слова: *церковное судопроизводство, судебно-административная власть церкви, причины реформы церковного суда, реформирование церкви, церковно-государственные отношения, проект церковного суда 1870 года, кризис церкви.*

Судебная реформа 1864 года считается наиболее успешной среди либеральных преобразований России середины XIX столетия. Дей-

ствительно, после ее проведения в Российском государстве начала складываться принципиально новая структура судебных органов, учитывавшая

в большей степени изменения, произошедшие после отмены крепостного права, и отвечавшая новым социально-политическим потребностям общества. По духу она имела европейскую направленность, что вполне укладывалось в общий контекст политического курса Александра II. Судебная реформа ускорила социально-экономические и политические изменения, сделала неизбежным преобразование церкви [1]. Она послужила пусковым механизмом формирования новой модели правовой культуры, в основе которой лежали принципы законности, цивилизованности и образованности [2, с. 37]. О.С. Большакова отмечала роль нового механизма европейского судопроизводства в появлении у образованной части населения более рационального отношения к жизни. Если старая судебная система была сословной и несправедливой, то новая отличалась предсказуемостью юридических последствий и делала поведение людей более цивилизованным [3, с. 9–10].

Существенным следствием стали дальнейшая систематизация законодательства, необходимость унификации различных форм наказаний, выработка курса на создание единой централизованной структуры судебных учреждений. Препятствием на пути создания единой карательной системы оказался церковный суд. Он строился на канонических принципах, опирался на собственные источники и не имел четких правил, что создавало почву для судебного произвола [4]. Существенно отличалась и организационная структура церковных судов, в значительной мере сохранивших традиционные черты и имевших «двойственное положение» [5, с. 268–269]. Тяжеловесные и неуклюжие формулировки церковного права мешали осуществлению судопроизводства, особенно в области гражданско-правовых отношений [6, с. 41–45].

Еще в начале XVIII века была предпринята попытка приблизить церковный суд к государственному. Созданный в 1721 году Святейший Синод стал выступать как высшая судебно-

надзорная инстанция. За деятельностью духовных судов на местах наблюдал обер-прокурор Синода – светское лицо, кандидатуру которого утверждал император. Под руководством обер-прокурора духовные фискалы обязаны были выявлять нарушения в церковной среде, они же могли свидетельствовать в церковном суде. Консистория пополнилась следователями из числа лиц светского звания, появилась более дробная структура епархиального суда, подразделения которого функционировали по строго определенным направлениям. В дальнейшем проводниками государственной политики стали обер-секретари консистории, подчинявшиеся непосредственно обер-прокурору.

Вместе с тем российское церковное судопроизводство имело серьезные изъяны, которые не отвечали обновленному, западно-ориентированному представлению государства об управлении обществом. В XIX столетии они обнажились настолько, что стали поводом для обсуждения вопроса об изменении правового статуса церковного суда. По мнению Т.В. Барсова, введение судебных уставов «провело разделительную грань между светским и духовным судом, двинув первый вперед и оставив духовный позади при старых недостатках» [7, с. 12].

Во-первых, духовный суд не был отделен от церковной администрации, что, по замечанию Н.К. Соколова, вело к его постепенному уничтожению и превращению в инструмент административного произвола [8, с. 825–826]. Внешнее разграничение епархиального суда и архиерея было очень условным, т. к. последний мог не только высказать особое мнение, но и вмешаться в ход судебного разбирательства. Архиерей обладал огромной властью и являлся полновластным управляющим собственной епархии. Устав духовных консисторий отводил архиерею главную надзорную и управленческую функцию. Он же прививал «послушание населения властям», пресекал народные суеверия¹. С подачи и согласия архиерея утверждались члены

---

¹ Устав духовных консисторий с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената / сост. М.Н. Палибин. СПб., 1900. Ст. 7–8, 18, 63.

епархиального суда, также он мог «устранять члена консистории от присутствия»².

Чрезмерная концентрация судебной административной власти в руках архиереев была порождена многовековой традицией, а также «религиозным элементом», который, с одной стороны, придавал действиям духовной власти излишнюю жестокость и фанатизм, а с другой – формировал у самого духовенства «дух унижения перед духовной администрацией», страх подвергнуться епитимье за любой проступок [9].

П. Знаменский объяснял недостатки епархиальной власти ее «патриархально-бюрократическим характером, бесконтрольностью, смешением в ее функциях права и морали, юридических и религиозных воззрений, а в ее органах всех полномочий администрации и суда» [10, с. 627]. В XIX веке подобная модель управления исчерпала себя в силу глубоких социальных изменений: от церковного суда требовалась большая гибкость и легитимность в принятии решений.

Во-вторых, церковный суд не отделялся от следствия. Во многом этому способствовало то, что специальных церковно-следственных органов не существовало. Функции следователей выполняли специально назначенные архиереями светские лица, находившиеся при консистории (они работали постоянно), или духовные лица, осуществлявшие разовые поручения преосвященного [11]. Главным критерием отбора кадров являлся не уровень образования, а беспорочность поведения, лояльность властей к ним. В таких условиях сложно было рассчитывать на объективность судебного разбирательства. Поэтому назрела необходимость дифференциации судебной следственных органов по образцу светских правоохранительных структур.

В-третьих, церковное судебное разбирательство было закрытым процессом, ориентированным в большей степени на корпоративные, ведомственные интересы. Процессуальная изоляция порождала определенное недоверие к церковному суду со стороны передовой

общественности. На фоне кардинальных перемен в государственном управлении образованный обыватель мог выдвинуть справедливые упреки в адрес церковного процесса и обвинить консисторию в пристрастности. Прозрачность церковного суда была выгодна и государству, которое таким образом могло осуществлять более эффективный контроль над обществом. Кроме того, открытость судебного процесса способствовала разрушению автономии церковного судопроизводства, т. к. решения консистории в этом случае могли бы предаваться публичному обсуждению.

В-четвертых, к церковной юрисдикции относились и преступления, совершенные мирянами, что по заключению юристов противоречило духу церковного учреждения. Они предлагали ограничить состав участников процесса церковного суда исключительно духовенством подобно тому, как существовал волостной суд для крестьян, а военный суд – для военных.

В итоге сформировался целый спектр предложений для обновления духовного суда. Существовали и более общие причины его реформирования. По мнению Б.Н. Миронова, духовенство плохо справлялось с возложенными на него социальными функциями, что в итоге заставило епископат отказаться от части судебных полномочий [12, с. 106–107].

Необходимость модернизации церковного суда отвечала интересам общества, государства и самой церкви. Однако непосредственно в церковной среде отношение к возможным переменам было крайне неоднозначным. Идею реформирования церковного управления поддерживали семинаристы и молодое духовенство, видевшие в будущих изменениях открывающиеся возможности для самореализации. Церковные иерархи были против серьезных изменений, многие из них отвергали идею реорганизации церковного суда, а эффективность управления связывали с «подчеркнутой строгостью», усилением дисциплинарной ответственности духовенства [7, с. 16–22].

---

²Устав духовных консисторий с дополнениями и разъяснениями Святейшего Синода и Правительствующего Сената... Ст. 281.

В этой связи обращение к дискуссии о реформе церковного суда, развернувшейся во 2-й половине XIX века, представляется актуальным для оценки государственно-церковных отношений в области карательной политики [13].

Принципиальная трудность для реформирования заключалась в крайне сложной структуре российской системы назначения наказаний. В ней совмещались учреждения различной ведомственной принадлежности, которые строились на разных принципах и отличались внутренней организацией. Церковные суды сохраняли автономию, но были тесно связаны со светским судом, особенно в части решений по уголовным преступлениям, предполагавшим назначение церковного покаяния [14, с. 58–153]. Государство настаивало на подчинении духовенства исключительно юрисдикции светских судов по образцу протестантских стран, где церковь в большей степени была образованием гражданского общества и не имела серьезного политического влияния [15]. Внутри Русской православной церкви разговоры об изменении статуса духовного суда вызывали болезненную реакцию, что объяснялось присущим этой организации консерватизмом [16].

В среде духовенства сложилось два мнения по вопросу необходимости реформирования церковного судопроизводства.

Одна часть духовной элиты, самая представительная, считала идею реорганизации церковного суда преждевременной и предлагала переключить внимание светского правительства на улучшение материального положения духовенства. Она опиралась на массовую поддержку среднего и нижнего звена клира. При общем понимании необходимости модернизации церковного суда большинство иерархов не разделяло идею быстрого реформирования, считая, что такой шаг приведет к падению общественного влияния религиозной организации. Церковная

элита подвергала критике любые разговоры о реконструкции церковных наказаний, считая это мерой не только преждевременной, но и чрезвычайно вредной для будущего российского общества. Опасность заключалась в непредсказуемости дальнейших последствий и отождествлении православной церкви с западными реформаторскими религиозными организациями, что низводило бы ее до уровня сект, с которыми она постоянно боролась. Кроме того, во 2-й половине XIX века стал распространяться религиозный индифферентизм [17]. Полагали, что реформы могут ослабить положение господствующей конфессии.

В секретной записке³ митрополита Сергия доказывалась невозможность отождествления светского и духовного суда. По мнению митрополита, это неизбежно привело бы к надлому церковного здания в силу того, что церковь будет ограничена в реализации важнейшей функции – исправлять преступников мерами духовно-нравственного характера. Российское общество, отличавшееся религиозностью и традиционализмом, с ликвидацией церковных судов потеряло бы рычаг управления. Неизбежным следствием этого решения были бы наступление социального кризиса и рост преступности в стране.

Митрополит Сергей полагал, что государственные чиновники в силу различных причин не смогут исправлять осужденных: произойдет подмена церковного наказания уголовным и на первый план выдвинется карательная цель. Он настаивал на сохранении статуса церковного суда в неизменном виде, полагая, что его кардинальное реформирование приведет к необратимым негативным процессам⁴.

Определенная нервозность по поводу судебной реформы чувствовалась и в руководстве Синода. Ober-прокурор Синода К.П. Победоносцев открыто заявил, что вопрос о новом «устройстве приходов и духовенства сложный

---

³Документ находится в Российском государственном историческом архиве (РГИА), на лицевой стороне имеет штамп «без даты». По смежным документам, содержащимся в этом же деле, можно установить, что он относится приблизительно к концу 1870-х – началу 1880-х годов.

⁴РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 647. Л. 4 об.

и затруднительный». Первопричиной необходимости реформирования церкви, по его мнению, стала не инициатива государства, а «бесконечные рассуждения в печати об улучшении быта духовенства»⁵. Либеральная пресса формировала в общественном сознании необходимость коренных изменений, постоянно муссируя тему о бедственном положении духовенства и призывая к реорганизации церкви.

К.П. Победоносцев не видел прямой связи между экономическим статусом клира и церковным управлением, частью которого был и духовный суд. Управление в самой церкви всегда осуществлялось на основе канонической традиции, что являлось ее фундаментальной основой, поэтому попытки ее реформирования несведущими людьми могли бы привести к обратному результату. Победоносцев придерживался мнения, что надо более тщательно изучить содержание самой проблемы и только после этого ставить вопрос о необходимости изменений церковного суда. Именно поэтому обер-прокурор подготовил и направил секретные запросы на имя членов Синода, чтобы те высказали свое мнение по поводу судебной реформы церкви⁶.

Позиция К.П. Победоносцева не была частным суждением, а отражала взгляды определенной части общества, отстаивавшей идеалы русского консерватизма на основе единства монархии и православия [18, с. 14–15]. В 1865 году он писал, что на текущий момент более важной задачей является очищение государственного суда от унижительного административного надзора, по причине которого «честные судьи бросали свои должности» [19, с. 134]. Реорганизация церковного суда возможна тогда, когда государство изменит облик собственного судопроизводства. Таким образом, возможность церковной реформы ставилась в зависимость от последовательности и эф-

фективности модернизации светских учреждений.

К оценкам К.П. Победоносцева прислушались и в светском, и в духовном правительстве [20, с. 388–372]. Обер-прокурор не принадлежал к либеральному крылу, его действия были осторожными, с учетом того политического положения, которое занимала РПЦ. На закате своей карьеры он предложил вернуться к разработанному еще в 1870 году Проекту преобразования духовно-судебной части, считая его вынужденной уступкой государству. В 1905 году Синоду была представлена программа реформирования церкви, соавтором которой выступил Победоносцев. В числе необходимых мероприятий он предложил реанимировать традицию епархиальных съездов, которые помимо обсуждения важнейших вопросов могли принимать решения об отстранении архиереев и членов Синода за различные нарушения. Вместе с тем обер-прокурор по-прежнему придерживался мысли о необходимости укрепления власти епископов путем непосредственного подчинения им епархиальных судов⁷.

Необходимо заметить, что многие идеи К.П. Победоносцева заслуживают пристального внимания, т. к. основываются на исключительно взвешенном политическом подходе. Он возлагал на церковный суд важную нравственную миссию, благодаря которой должна была укрепиться российская государственность. Попытки подорвать правовую основу суда он связывал с «партией доктринеров», в деятельности которых было «больше интриг и политики, нежели здравого смысла» [21].

Была и другая важная причина критического отношения духовенства к государственным предложениям. Дело в том, что право на самостоятельный суд ассоциировалось с политическим статусом РПЦ. Действительно, такой признан-

⁵РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 646. Л. 2–3.

⁶Там же. Л. 1 об.

⁷Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Отдел письменных источников. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 1–5. О преобразовании церковного управления в России. На соборном начале // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1905. № 45. С. 1895–1905.

ной автономией не обладала ни одна конфессия и любая попытка поставить под сомнение целесообразность церковного суда воспринималась архиереями как покушение на права церкви.

Другая часть духовенства считала возможной реорганизацию церковного суда в сторону приближения к государственным требованиям. Этой позиции придерживались духовные лица, видевшие в либерализации путь расширения гражданских свобод и рассматривавшие реформу церковного суда как часть общего реформирования РПЦ⁸. Они воспринимали сохранение церковного суда в прежней форме скорее не как традицию, а как препятствие на пути обновления РПЦ.

Мнения членов Синода по данному вопросу также были неоднозначными. Во многом это объяснялось тем, что духовное правительство, хоть и косвенно, было связано с политической деятельностью государства. На межправительственном уровне периодически проходили так называемые конференции расширенного состава, куда приглашались члены Синода для выработки важных политических решений.

Дискуссии по определению места церковного суда начались задолго до либеральных реформ, что наглядно отражено в переписке Филарета с некоторыми государственными деятелями и связано с непосредственным его участием в экспертизе проектов Государственного совета. В 1864 году Святейший Синод принял серьезные усилия, чтобы сохранить в церковной юрисдикции бракоразводные дела. Не приняв критику существующих недостатков, Синод выразил готовность к улучшению судебного процесса.

Серьезной проблемой духовных судов был излишний консерватизм: они не успевали за развитием светского судопроизводства и на его фоне выглядели громоздкими и устаревшими учреждениями. Церковный суд сохранял прежний порядок и был малоподвижным. Нормальному функционированию духовного судопроизводства меша-

ла бюрократизация церковного ведомства [22, с. 31–35]. В 1865 году был создан расширенный комитет с участием представителей Синода и Сената для обсуждения вопроса о реформе церковного суда. Однако комитет не смог решить поставленную задачу, а его деятельность свелась в большей степени к вопросам технического характера относительно бракоразводного процесса.

Через несколько лет функционирования светских судов недостатки церковного суда стали проявляться более контрастно. В конце 1860-х Синод вновь инициирует вопрос о необходимости проведения судебно-административной церковной реформы. В записке обер-прокурора Синода Д.А. Толстого прозвучала мысль о том, что действующее церковное законодательство устарело. Основой деятельности церковного суда был Устав духовных консисторий (1841), который соотносился с законодательством 1832 года. Однако за 30-летний период с момента принятия Устава в развитии государственного законодательства произошли серьезные перемены, связанные с изданием новых сводов 1842 года и 1857 года, в результате чего «произошло несогласие, <...> стали встречаться недоразумения и пререкания между судом духовным и светским» [7, с. 20]. Было принято решение подвергнуть ревизии все церковное судопроизводство.

Для решения этой задачи был создан специальный комитет, который выдвинул идею о пересмотре Устава по 3 основным вопросам: 1) изъятие неопределенных формулировок при квалификации наказания; 2) перенос светских принципов на церковное судопроизводство там, где это возможно; 3) уточнение и определение юрисдикции по бракоразводным делам. Комитет предложил начинать судебные дела о незаконности брака в светском суде с последующей передачей их епархиальному начальству для признания недействительности брака.

В 1870 году был подготовлен проект по новому церковному судопроизводству, который

---

⁸Игумен М. Шкурин выделил и описал деятельность 3 групп реформаторов, предлагавших отличные друг от друга программы преобразования церкви в начале 1860-х годов [1].

по своему содержанию был достаточно смелым. Он касался не только деятельности Синода, но и судебной системы РПЦ в целом. В соответствии с проектом нижней инстанцией церковного суда являлся духовный судья (по образцу мирового). Он выбирался из числа священников или протоиереев в возрасте старше 30 лет, распределенных по участкам в каждой епархии. Судье помогал помощник, именованный кандидатом. Судья и кандидат выбирались на альтернативной основе епархиальным советом. Две кандидатуры, набравшие максимальное количество голосов, получали указанные должности. Обязательным условием для занятия должности духовного судьи являлось отсутствие взысканий и одобрение советом епархиальных архиереев. Судья принимал решения единолично, жил на территории участка.

Следующей судебной инстанцией церковного суда по проекту должны были стать духовно-окружные суды, состоящие из председателя и членов в соответствии со штатами. Председатель должен был избираться из числа архиереев, а члены суда – из пресвитеров. Высшей судебной инстанцией должно было стать судебное отделение Святейшего Синода. В его состав входили первоприсутствующий и члены суда из числа архиереев и пресвитеров. Проект устанавливал минимальное присутствие членов суда (3 чел.), для того чтобы решение суда имело законную силу. При каждом окружном духовном суде назначался прокурор и определенное количество товарищей (помощников прокурора) для наблюдения за ходом суда и предотвращения преступлений [7, с. 26–28].

Проект 1870 года предоставлял административной власти возможность без суда налагать следующие взыскания: замечание, выговор без внесения в послужной список и временное испытание в архиерейском доме или монастыре до 2 недель. *Впервые* проект отделял следствие от судебной власти. Появлялись 2 ветви власти при рассмотрении дел: обвинительная власть занималась вопросами дознания виновных, судебная власть разрешала сами дела и составляла формулировки приговоров. *Второе изменение*

касалось запрета судить по подозрению, что возможно было ранее. Приговор мог быть или осуждающий, или оправдывающий.

Третье изменение касалось порядка судебного процесса. Каждое дело могло рассматриваться только в 2 судебных инстанциях. Пересмотра приговоров в порядке ревизии не допускалось. На окончательные приговоры разрешалось принимать письменные и устные протесты. Протесты подавались духовным начальством, а отзывы – частными лицами. Предание суду производилось на основании предварительного следствия. Обвинительный акт составлял прокурор с предоставлением его копии обвиняемому для ознакомления. Декларировался принцип равенства сторон. После зачитывания обвинительного акта начинались судебные прения. Как и в светском суде, обвиняемый имел право на защиту и на последнее слово. Приговор принимался большинством голосов. При равенстве голосов предпочтение отдавалось голосу председателя. *Четвертое изменение* касалось вопросов смешанной подсудности лиц духовного звания в случае соучастия их в преступлении с другими лицами.

Таким образом, проект реформирования судебной системы РПЦ 1870 года строился на основе светской западно-либеральной доктрины. Принцип унификации дополнялся такими прогрессивными изменениями, как отделение суда от администрации, равенство участников, строгая регламентация процедур, что привело бы к необратимости реформирования всей судебной машины духовного ведомства. Подчеркнем, что были и другие не менее интересные проекты. Например, профессор Московской духовной академии А. Лавров предложил низшей судебной единицей считать судебную власть настоятелей монастыря или храма, которые могут наказывать штрафами, объявлением выговора или замечания. Затем шли благочиния и епархиальные суды. Синод являлся высшей апелляционной инстанцией и судом по некоторым особым делам [7, с. 31–33].

Вместе с тем констатируем, что в целом серьезных организационных изменений церковного

суда так и не произошло. Вновь изданный Устав духовных консисторий 1900 года сохранил прежние принципы организации духовного суда, что неизбежно вело к новым столкновениям церкви и государства в области разграничения собственных юрисдикций. Новый виток споров вокруг компетенции церковного суда произошел в начале XX столетия, когда резко

обострились социальные противоречия [23, 24], но новая реформа церковного суда была нивелирована революционными событиями. Следовательно, попытки безуспешного реформирования церковного суда середины XIX века являлись не только подтверждением внутреннего кризиса РПЦ, но и привели к обострению церковно-государственных отношений.

Список литературы

1. Шкурин М. Эквивалентность церковных преобразований контексту великих реформ // Церковь и время. № 54. URL: <https://mospat.ru/church-and-time/649#fnref-649-5> (дата обращения: 10.11.2015).
2. Озеркис А.П. Новая концепция правосудия во второй половине XIX века // История гос-ва и права. 2008. № 7. С. 37–38.
3. Большакова О.В. Судебная реформа 1864 г. и формирование правовой культуры в дореволюционной России (обзор англоязычной литературы) // Соц. и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 5: История. 2000. № 1. С. 3–19.
4. Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. URL: http://fictionbook.ru/author/elena_belyakova/cerkovnyiy_sud_i_problemy_cerkovnoy_jizni/read_online.html?page=7 (дата обращения: 12.11.2015).
5. Дорская А.А. Взаимодействие уголовного и процессуального права Российской империи с церковным правом // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2005. Вып. 5. № 1. С. 255–269.
6. Ружицкая И.В. Судебное законодательство Николая I (работа над уголовным и гражданским уложениями) // Отечеств. история. 2001. № 4. С. 41–57.
7. Барсов Т.В. Синод в его прошлом. СПб., 1896. 446 с.
8. Соколов Н.К. О началах и формах духовного суда в виду современных потребностей // Православ. обозрение. 1870. Июнь. С. 822–853.
9. Смолич И. История Русской церкви. 1700–1917 гг. URL: <http://detectivebooks.ru/book/25043401/?page=74#n990> (дата обращения: 10.11.2015).
10. Знаменский П. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873. 850 с.
11. Павлушков А.Р. Борьба с преступностью в контексте развития государственно-церковных отношений в имперский период // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: междунар. науч.-практ. конф.: тез. докл. Минск, 2014. С. 269–270.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 1. 568 с.
13. Павлушков А.Р. Особенности формирования церковной юрисдикции в области уголовно-исполнительной политики XVIII–XIX вв. // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2013. № 2(22). С. 76–82.
14. Павлушков А.Р. Карательно-исправительная система Русской православной церкви в имперский период. Вологда, 2014. 251 с.
15. Иванов И.А. Церковная политика Российского государства в XVIII в.: предпосылки в реализации (историко-правовой аспект) // История гос-ва и права. 2008. № 13. С. 17–19.
16. Скворцова Ю.В. Исторические аспекты развития правовой системы в России // История гос-ва и права. 2010. № 12. С. 30–31.
17. Стафёрова Е.Л. Образование и религия в 1860–1870 годах: взгляд из министерства народного просвещения // Рос. история. 2010. № 6. С. 70–84.
18. Комарова Н.Б. Самодержавная власть в России в контексте современных государственно-правовых идей // История гос-ва и права. 2012. № 8. С. 14–17.
19. Победоносцев К.П. Государство и церковь: в 2 т. / сост. О.А. Суржик, отв. ред. О.А. Платонов. М., 2011. Т. 2. 620 с.

20. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX вв.: очерки жизни и творчества. М., 2007. Т. 1. 672 с.
21. Победоносцев К.П. Записки по законоведению: Курс лекций. 1885–1888 гг. // Изв. высш. учеб. заведений. Сер.: Правоведение. 1997. № 1. С. 72–80.
22. Барсов Т.В. Синодальные учреждения прежнего времени. СПб., 1897. 249 с.
23. Белякова Е.В. Проблема церковного суда в России в пореформенное время и попытка ее решения на Поместном Соборе 1917–1918 годов // Ист. вестн. 2002. № 1(16). URL: http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/8.htm (дата обращения: 10.11.2015).
24. Дроботушенко Е.В. Церковный суд и судопроизводство в малоизвестных записках Святейшего Правительствующего Синода // История гос-ва и права. 2012. № 9. С. 38–41.

References

1. Shkurin M. Ekvivalentnost' tserkovnykh preobrazovaniy kontekstu velikikh reform [Equivalence of Church Transformations to the Context of Great Reforms]. *Tserkov' i vremya*, no. 54. Available at: <https://mospat.ru/church-and-time/649#fnref-649-5> (accessed 10 November 2015).
2. Ozerkis A.P. Novaya kontsepsiya pravosudiya vo vtoroy polovine XIX veka [The New Concept of Justice in the Second Half of the 19th Century]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2008, no. 7, pp. 37–38.
3. Bol'shakova O.V. Sudebnaya reforma 1864 g. i formirovanie pravovoy kul'tury v dorevolyutsionnoy Rossii (obzor angloyazychnoy literatury) [Judicial Reform of 1864 and Formation of Legal Culture in Pre-Revolutionary Russia (a Review of English Literature)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5: Istoriya. Referativnyy zhurnal*, 2000, no. 1, pp. 3–19.
4. Belyakova E.V. *Tserkovnyy sud i problemy tserkovnoy zhizni* [Ecclesiastical Court and the Problems of Church Life]. Available at: http://fictionbook.ru/author/elena_belyakova/cerkovnyiy_sud_i_problemy_cerkovnoy_jizni/read_online.html?page=7 (accessed 12 November 2015).
5. Dorskaya A.A. Vzaimodeystvie ugovolnogo i protsessual'nogo prava Rossiyskoy imperii s tserkovnym pravom [Interaction of Criminal and Process Law of the Russian Empire with the Church Law]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, 2005, vol. 5, no. 11, pp. 255–269.
6. Ruzhitskaya I.V. Sudebnoe zakonodatel'stvo Nikolaya I (rabota nad ugovolnym i grazhdanskim ulozheniyami) [Judicial Law of Nicholas I (Work on the Criminal and Civil Codes)]. *Otechestvennaya istoriya*, 2001, no. 4, pp. 41–57.
7. Barsov T.V. *Sinod v ego proshlom* [Synod in the Past]. St. Petersburg, 1896. 446 p.
8. Sokolov N.K. O nachalakh i formakh dukhovnogo suda v vidu sovremennykh potrebnostey [On the Principles and Forms of Ecclesiastical Court in View of Current Needs]. *Pravoslavnoe obozrenie*, June 1870, pp. 822–853.
9. Smolich I. *Istoriya Russkoy tserkvi. 1700–1917 gg.* [The History of the Russian Church. 1700–1917]. Available at: <http://detectivebooks.ru/book/25043401/?page=74#n990> (accessed 10 November 2015).
10. Znamenskiy P. *Prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii so vremeni reformy Petra* [Parish Clergy in Russia Since Peter the Great's Reforms]. Kazan, 1873. 850 p.
11. Pavlushkov A.R. Bor'ba s prestupnost'yu v kontekste razvitiya gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy v imperskiy period [The Fight Against Crime in the Context of Developing Church-State Relations During the Imperial Period]. *Problemy bor'by s prestupnost'yu i podgotovki kadrov dlya pravookhranitel'nykh organov: mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: tez. dokl.* [Fight Against Crime and Training of Law Enforcement Officials: Intern. Sci. Conf.: Outline Reports]. Minsk, 2014, pp. 269–270.
12. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachala XX v.): v 2 t.* [Social History of the Russian Empire (the 18th – Early 20th Century): In 2 Vols.]. St. Petersburg, 2000. Vol. 1. 568 p.
13. Pavlushkov A.R. Osobennosti formirovaniya tserkovnoy yurisdiksiy v oblasti ugovolno-ispolnitel'noy politiki XVIII–XIX vv. [Peculiarities of Formation of Ecclesiastical Jurisdiction in Penal Policy of the XVIII–XIX Centuries]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 2013, no. 2(22), pp. 76–82.
14. Pavlushkov A.R. *Karatel'no-ispravitel'naya sistema Russkoy pravoslavnoy tserkvi v imperskiy period* [Penal and Corrective System of the Russian Orthodox Church During the Imperial Period]. Vologda, 2014. 251 p.
15. Ivanov I.A. Tserkovnaya politika Rossiyskogo gosudarstva v XVIII v.: predposylki v realizatsii (istoriko-pravovoy aspekt) [Church Policy of the Russian State in the 18th Century: Preconditions for Its Implementation (Historical and Legal Aspect)]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2008, no. 13, pp. 17–19.

16. Skvortsova Yu.V. Istoricheskie aspekty razvitiya pravovoy sistemy v Rossii [Historical Aspects of the Legal System Development in Russia]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, no. 12, pp. 30–31.

17. Staferova E.L. Obrazovanie i religiya v 1860–1870 godakh: vzglyad iz ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Education and Religion in the 1860s–1870s: A View from the Ministry of Public Education]. *Rossiyskaya istoriya*, 2010, no. 6, pp. 70–84.

18. Komarova N.B. Samoderzhavnaya vlast' v Rossii v kontekste sovremennykh gosudarstvenno-pravovykh idey [Autocratic Power in Russia in the Context of Current State-Legal Ideas]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2012, no. 8, pp. 14–17.

19. Pobedonostsev K.P. *Gosudarstvo i tserkov': v 2 t.* [State and Church: In 2 Vols.]. Comp. by O.A. Surzhik, ed. by O.A. Platonov. Moscow, 2011. Vol. 2. 620 p.

20. Tomsinov V.A. *Rossiyskie pravovedy XVIII–XX vv.: ocherki zhizni i tvorchestva* [Russian Lawyers of the 18th – 20th Centuries: Essays on Their Life and Work]. Moscow, 2007. Vol. 1. 672 p.

21. Pobedonostsev K.P. Zapiski po zakonovedeniyu: Kurs lektsiy. 1885–1888 gg. [Notes on the Legal Science: Lectures. 1885–1888]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ser.: Pravovedenie*, 1997, no. 1, pp. 72–80.

22. Barsov T.V. *Sinodal'nye uchrezhdeniya prezhnego vremeni* [Synodal Institutions of the Past]. St. Petersburg, 1897. 249 p.

23. Belyakova E.V. Problema tserkovnogo suda v Rossii v poreformnoe vremya i popytka ee resheniya na Pomestnom Sobore 1917–1918 godov [The Problem of Ecclesiastical Court in Russia During the Post-Reform Period and the Attempt to Solve It at the Local Council of 1917–1918]. *Istoricheskiy vestnik*, 2002, no. 1(16). Available at: http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/8.htm (accessed 10 November 2015).

24. Drobotushenko E.V. Tserkovnyy sud i sudoproizvodstvo v maloizvestnykh zapiskakh Svyateyshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda [Ecclesiastical Court and Legal Proceedings in Little-Known Records of the Holy Governing Synod]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2012, no. 9, pp. 38–41.

doi: 10.17238/227-6465.2016.1.47

Pavlushkov Aleksandr Rudolfovich

Vologda Law and Economics Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
2 Shchetinina St., Vologda, 160002, Russian Federation;
e-mail: apavlushkov@yandex.ru

ATTEMPTS TO REFORM CHURCH PROCEEDINGS IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY AS A NEW VISION OF THE LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

The article presents an overview of the debate that unfolded within the Russian Orthodox Church about the place and role of the ecclesiastical court after the introduction of church statutes. It also names the reasons for the church proceedings reform. The author provides a general description of the state of the ecclesiastical court prior to the discussion of the church reform. The author comes to the conclusion that the feeble attempts to bring church proceedings in line with the state ones, which began with the Synod reform, failed to produce any significant changes. Serious shortcomings not only affected the work of church authorities but also hindered the development of Russian judicial system in general. The dialogue between the state and the Russian Orthodox Church gradually gave way to mutual accusations that indicated a serious crisis in their relations. This paper analyses the views of the parties involved on the practicability and general aspects of possible transformations. The author specifically focuses on the reasons why these reforms were turned down. Inside the church environment there had emerged two major parties with contrasting views on the future ecclesiastical court. Their common weak

point was inconsistent maintaining of their opinions. Too much compromise and contradictory public speeches eventually reduced both approaches to nothing. Corporate interests and desire to follow the established tradition indicated that the Russian Orthodox Church was behind in terms of adaptation and responding to new challenges. As a result, the reform project for the most important church institution practically failed. The second part of the article considers a 1870 project of ecclesiastical proceedings, which was aimed to bring the court procedures in line with the uniform state requirements. The author comes to the conclusion that the failure to implement the ecclesiastical court reform further aggravated the crisis within the Russian Orthodox Church.

Keywords: *church proceedings, judicial and administrative church authorities, reasons for the ecclesiastical court reform, church reformation, church-state relations, 1870 ecclesiastical court project, church crisis.*

*Контактная информация:
адрес: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2;
e-mail: apavlushkov@yandex.ru*